

УЧЕНИЕ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Игорь Тяпин

Статья посвящена осмыслению историософской концепции Н.Я. Данилевского в контексте ее влияния на учения О. Шпенглера и А. Тойнби. Посредством сопоставления философско-исторических взглядов русского, немецкого и английского мыслителей обсуждается проблема недостаточной исследованности влияния русской мысли на западную философию неклассического периода. Показывается, что базовые концепты философии истории Шпенглера («гештальт истории», «культура», «цивилизация», «душа народа», «псевдоморфоз») появились в результате рецепции русской историософии. По сути, Шпенглер осуществил преломленный сквозь призму евроцентризма синтез идей Данилевского и К.Н. Леонтьева о «молодости» русского культурно-исторического типа, его восточно-византийских основах, недостаточной результативности его культурно-государственной жизни, негативном характере западного культурного влияния. Отсутствие прямых ссылок у Шпенглера на Данилевского доказывает важность идей последнего для немецкого мыслителя, поскольку главный принцип его работы с источниками состоял в том, чтобы ссылаться на другого автора по частным вопросам, но не при обращении к центральным идеям. Также можно говорить об опосредованном влиянии Данилевского на концепцию Тойнби, фундаментальной установкой которой является культурологический плюрализм, убеждение в многообразии форм социальной организации человечества. Дальнейшая работа по раскрытию и обоснованию скрытого и опосредованного влияния отечественной мысли на зарубежную философию имеет определенные перспективы в рамках методологии сравнительного анализа.

Ключевые слова: В.И. Ламанский, научная школа Ламанского, славяноведение, славянофильство, школа славистов.

Вологодский государственный университет

The article is devoted to the comprehension of the historiosophic concept of N.Ya. Danilevsky in the context of its influence on the teachings of O. Spengler and A. Toynbee. By means of the comparison of philosophical and historical views of the Russian, German and English thinkers the author considers the problem of insufficient research of the influence of Russian thought on Western philosophy of the non-classical period. He claims that some basic concepts of Spengler's philosophy of history (such as "gestalt of history", "culture", "civilization", "soul of the people", "pseudomorphosis") appeared as a result of the reception of Russian historiosophy. In fact, Spengler made a synthesis of Danilevsky's and K.N. Leontiev's ideas about the "youth" of the Russian cultural-historical type, its Eastern Byzantine foundations, the insufficient effectiveness of its cultural-state life, and the negative nature of Western cultural influence, refracted through the prism of Eurocentrism. The absence of direct references in Spengler's works to Danilevsky is interpreted as what proves the importance of the latter's ideas for the German thinker, as the main principle of his work with sources was to refer to this or that author on private issues, but not when addressing the central ideas. The author of the article insists that there might have been the indirect influence of Danilevsky's ideas on Toynbee's civilization concept, the fundamental principle of which is cultural pluralism, or the belief in the diversity of forms of social organization of mankind. It is concluded that further work on revealing and studying the hidden and indirect influence of Russian thinkers on European philosophers is of great importance and might be productive, especially within the framework of comparative analysis methodology.

Keywords: V.I. Lamansky, scientific school of Lamansky, Slavic studies, Slavophilism, school of Slavists.

Споры о том, является ли русская философия оригинальным явлением в мировой мысли, до сих пор не привели к формированию в качестве итога какого-то преобладающего мнения. Если роль русской мысли в создании национальной идеи признана, то вопрос о ее общем познавательном значении остается открытым.

Уже в период становления собственно философской (секулярной) традиции (в конце XVII – первой половине XIX в., когда философию начали преподавать в Славяно-греко-латинской академии и когда русские мыслители стали перенимать идеи из французской и немецкой философии) русская мысль не просто учится у Западной Европы, но и активно оппонирует ей, «подобно тому, как французские просветители учились у английских и полемизировали с ними, немецкие – у французских и английских, и очень резко, нередко жестко критиковали их, особенно французских деятелей культуры» [6, с. 230]. Позднее в русской мысли сосуществовали и боролись как минимум два мощных направления: 1) шедшее за западной культурой, но сохранявшее при этом собственную позицию; 2) создававшее свои оригинальные творения в «дружеском» или резко противопоставлении с Западом.

В рамках второго направления, начиная от А.С. Хомякова, возникла плеяда деятелей, чьи труды вошли в историю русской мысли. Значимость славянофильства как явления в истории русской мысли определяется прежде всего тем, что именно с него принято начинать отсчет существования самостоятельной философии в России. «Творчески переработав европейский мыслительный опыт, славянофилы заложили основы русской национальной философской традиции, в центре которой были идеи целостного знания, духа и жизни, соборности» [3, с. 519]. Высшим же результатом этого движения стала религиозная философия, представленная длинным рядом мыслителей во главе с В.С. Соловьевым.

Стоит привести тезис И.И. Евлампиева, что в конце XIX – начале XX в. русская философия вышла на передний край общеевропейского развития, стала лидирующей традицией в общеевропейском движении к новым формам содержательной философии в связи с продолжающимся наступлением эмпиризма в западной философии, тогда как только в русской философской традиции сохранилась парадигма «подлинной» – мистической – философии (исходящей из того, что все самое важное в мире глубоко спрятано от непосредственного опыта и требует развития особых форм постижения, не поддающихся строгой рационализации и систематизации) [2, с. 138].

Тем не менее наличие или отсутствие идейно-концептуального воздействия отечественной мысли на мировую (в первую очередь западную) остается для скептически настроенных исследователей главным доводом (наряду с тезисами о подражательности и эклектичности, контекстуальном характере решения онтологических и гносеологических проблем и др.) в пользу несущественности значения русской философии для эволюции философии мировой.

Однако с этим доводом можно не согласиться. В указанном отношении весьма примечательна проблема истоков так называемого цивилиза-

ционного подхода, а именно роль и значение идей Н.Я. Данилевского по отношению к его развитию в западной философии истории.

В рамках обозначенной проблемы первостепенное значение имеет вопрос идейного влияния видного представителя второго поколения славянофильства на представителя второго поколения философии жизни О. Шпенглера, который относится к числу не просто дискуссионных, но едва ли не загадочных. Почву для полемики продолжает создавать полное отсутствие ссылок автора «*Der Untergang des Abendlandes*» («Закат Западного мира») на работы русского славянофила и прямых документальных подтверждений обращения к ним при очевидном идейном сходстве и смысловом единстве. О последнем свидетельствует следующий тезис Данилевского: «Для коллективного... и все-таки конечного существа – человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме разновременного и разноместного (т.е. разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе» [10, с. 144].

Теория Шпенглера о смене культур, частью которой стал взгляд на историю и «дух» России, не сводящийся к восприятию ее самобытности как отсталости и призывам к догоняющей-копирующей модернизации, наверняка продолжает теорию культурно-исторических типов Данилевского, убежденного, что каждая культура имеет свою характеристику развитости, а основная задача каждого культурно-исторического типа – наиболее полная реализация собственной индивидуальности. Так сказать, методологической особенностью автора «*Der Untergang des Abendlandes*» стало добросовестное цитирование частных моментов (Шпенглер прямо ссылался на Н.М. Карамзина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.С. Аксакова, А.М. Горького, П.Н. Милюкова, В.И. Ленина) при уходе от указаний идейно близких мыслителей. Иными словами, принцип работы Шпенглера с источниками состоял в том, чтобы ссылаться на того или иного автора по частным, вспомогательным вопросам, но не ссылаться – при обращении к центральным идеям. При этом Шпенглер стал частью едва ли не массового сознания западного общества, в то время как русский мыслитель не известен в «широких кругах» вне постсоветского пространства (при том, что современные западные историки философии, в частности, М. Байсвенгер [8], М. Ляруэль [9], знакомы с теорией Данилевского, но пытаются дискредитировать его, искусственно и совершенно неадекватно привязав к социал-дарвинизму и даже фашизму).

Данилевский не просто положил начало самобытной русской историософии. Его теория, совмещающая в своей трактовке истории натуралистически-позитивистский и религиозно-идеалистический, провинциалистский подходы [4, с. 352], опередила свое время, стала принципиально новым явлением не только для России, но и для Европы. Как пишет, к примеру, М.С. Тимофеев, Данилевский «предложил, по сути, новое деление истории по типам организации вместо обычного и традиционного ее деления по ступеням развития. Такое деление допускалось философом только внутри отдельного культурно-исторического типа» [7, с.

127]. В свою очередь, Б.Г. Дверницкий отмечает, что «несомненно, новымы в науке и философии следует считать введенные Данилевским понятия об искусственных и естественных системах, а также о законах-рецептах и подлинных законах» [1, с. 284].

Выделенные Данилевским культурно-исторические типы и законы исторического развития (наличие одного или нескольких общих языков, политическая независимость, выработка самобытности на основе большего или меньшего влияния чуждых, предшествовавших или современных, цивилизаций, разнообразие исходных этнографических элементов, проявление жизненных сил в периоды цветения и плодоношения) в концепции Шпенглера, по существу, оставались почти неизменными. У Шпенглера это представлено в виде множества независимых друг от друга культур, лежащих в основе государственных образований, и их детерминирующих. Завершая свой цикл, культура умирает и переходит в состояние цивилизации. Принципиальное отличие культуры от цивилизации заключается в том, что последняя выступает синонимом бездушного интеллекта, мертвой «протяженности», в то время как первая – это жизнь, творческая деятельность и развитие.

Осмысление основных концептов философии истории Шпенглера, таких как «гештальт истории» (понимание вечного становления и изменения мира и придание этому смысла), «культура» (расцвет высокого искусства, имманентное действие государственной идеи), «цивилизация» (смена чужих, входящих в моду стилей, превращение народных организмов в массы, космополитизм вместо отчизны, научная иррелигиозность, естественные права вместо приобретенных), «душа народа» (общая идея, порождающая великие исторические события) наводит на мысль, что, по сути, он попытался синтезировать главнейший тезис Данилевского о молодости русского культурно-исторического типа с постулатами К.Н. Леонтьева о восточно-византийских основах России как государства и культуры, о негативном характере западного культурного влияния (по крайней мере, во второй половине XIX в.), о недостаточной результативности российской культурно-государственной жизни. За полвека до Шпенглера Данилевский писал, что культура, как организм, проходит все стадии развития – от рождения до распада, и подчеркивал, что применить к ним единую хронологию невозможно, ибо у любой культуры есть свой Древний мир, свои Средние века и свое Новое время.

Данилевский утверждал, что Запад уже прошел период своего «культурного цветения» и находится на спаде, хотя терминологически и не выделял, как немецкий философ, в исторической динамике культуру и цивилизацию. Россию же, как пишет А.С. Маджаров, Данилевский считал более молодым историко-культурным типом, полагал, что она *моложе Европы на «четыре столетия»* [5, с. 51], далека от перехода к цивилизации и, соответственно, имеет будущее. Однако «если же – наперекор истории, наперекор мнению и желанию самой Европы, наперекор внутреннему сознанию и стремлениям своего народа – Россия все-таки захочет причислиться к Европе, то ей, чтобы быть логической и последовательной, ничего другого не остается, как отказаться от самого политического патриотизма, от мысли о крепости, цельности и единстве

своего государственного организма» [10, с. 86]. Это полностью совпадает с выделяемым Шпенглером (теоретически и применительно к его анализу российской истории) *псевдоморфозом* – событиями и процессами влияния старой культуры на молодую, мешающими последней «задышать полной грудью», раскрыть собственные формы, достигнуть «полного развития своего самосознания».

Естественно, что Шпенглер не был в состоянии полностью преодолеть западнцентризм. Поэтому насильственность как коренную черту западной культуры, по Данилевскому, Шпенглер смягчил до воли к власти, а терпимость как главную характеристику русской культуры, противопоставляя, как и Данилевский, стремлению к господству, снизил до безвольности. Прасимволом русской «безвольной души», в противовес «волевой фаустовской», по мнению Шпенглера, является «бесконечная равнина». Русский пытается безымянно раствориться в братском мире. Отсюда если для Данилевского Россия – это *многоосновный культурно-исторический тип*, выгодно отличающийся от одно-двухосновных предшественников, то для Шпенглера – всего лишь *зародыш* многого, развитие которого при этом было искажено двумя псевдоморфозами – петровских реформ и большевистской революции. Размах русской революции 1917 г. был вызван стремлением народа «исцелиться от болезни» псевдоморфоза, закончившимся впадением в другой псевдоморфоз. Народ, по словам философа, в революции уничтожил западный мир руками его же учеников, а затем отправил следом и их самих [12, с. 654].

Уже середине XX в. А.Дж. Тойнби писал, что тезис о «единстве цивилизации» на основе западного общества – это ложная концепция, которая имеет одно неправильное предположение – понятие прямого развития. Он сравнил этот взгляд с метафорой волшебного стебля бобов, который ударил по земле и вырос вверх, не давая побегов, пока не попадает в небо [11, с. 91]. По мнению Тойнби, одной из причин, породивших эту концепцию, является то, что, во-первых, западные историки смешивают объединение с единством и, во-вторых, западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру, а затем на этом фундаменте достигла политического единства.

Тойнби настаивал на том, что цивилизации являются не статическими формациями, а динамическими образованиями эволюционного типа. Они не только не могут оставаться в покое, но и не могут произвольно изменить свое направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением. Это утверждение созвучно убеждению Данилевского в опасности попыток создания «универсальной» цивилизации («отношение национального к общечеловеческому... может быть уподоблено улицам, взаимно пересекающимся и своими пересечениями образующими площадь, которая в отношении каждой улицы составляет только часть ее и равно принадлежит всем улицам. Чтобы содействовать развитию города... ничего не остается делать, как отстраивать свою улицу по собственному плану, а не тесниться на общей площади и не браться за продолжение чужой улицы... и тем не лишать город подходящего разнообразия и распространения во все стороны» [10, с. 150]), в том, что каждая историческая национальность имеет свою задачу, которую она

должна решить, свою идею, свою индивидуальную сторону жизни, которую она стремится реализовать.

Фундаментальной установкой Тойнби является культурологический плюрализм, убеждение в многообразии форм социальной организации человечества. Каждая из них, по его мнению, имеет своеобразную систему ценностей, вокруг которых складывается жизнь людей – от самых грубых ее проявлений до высочайших взлетов творческого воображения. До него аналогичные выводы делали сначала Данилевский, затем Шпенглер.

В этой связи можно поставить как минимум два вопроса. Первый из них состоит в том, корректно ли говорить о прямом влиянии идей Данилевского на британского автора или опосредованном, через труды Шпенглера. Второй вопрос сводится к подозрению, не обусловлены ли обозначенные выше попытки дискредитации Данилевского желанием уйти от вопроса о его идейном влиянии на западных «столпов» цивилизационного подхода.

В любом случае несомненно, что дальнейшее осмысление наследия Данилевского, обосновывавшего смысл человеческой истории как развертывания всех потенциальных возможностей человеческого духа, необходимо вести в рамках систематической работы историков философии по определению *конкретной* новизны идей русских философов для своего времени посредством сравнения с наследием зарубежных мыслителей.

Литература

Исследования

1. *Дверницкий Б.Г.* Н.Я. Данилевский – основоположник русской историософии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 4. С. 283–290.
2. *Евламцев И.И.* Историческое значение русской философии // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2015. № 27(1). С. 131–143.
3. *Кошарный В.П.* Творческое наследие А.С. Хомякова и феномен национальной философии // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: Сборник статей. В 2 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 519–524.
4. *Кузнецов Ю.В.* Исторические судьбы России в учении Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011. Т. 14. № 2. С. 347–352.
5. *Маджаров А.С.* Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер о соотношении России и Европы как культурно-исторических типов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Т. 9. С. 47–72.
6. *Меньшиков В.М., Гатилов Н.Н., Хохлова А.Б.* РОССИЯ... Возвращение к своей культуре // Берегиня. Сова 777. Общество. Политика. Экономика. 2013. № 4(19). С. 223–234.
7. *Тимофеев М.С.* Н.Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного Российского государства // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3(21). С. 125–129.

8. *Beisswenger M.* A Failed Alliance: The Eurasianist movement and the German conservative revolution in the early 1930s // *Entangled Far Rights: A Russian-European Intellectual Romance in the Twentieth Century* / ed. by M. Laruelle. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2018. P. 61–84.
9. *Laruelle M.* Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields. London; New York: Routledge, 2018.

Источники

10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
11. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Айрис-пресс, 2002.
12. *Шпенглер О.* Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010.

Tyapin, Igor N. *The teachings of N.Ya. Danilevsky as a source of Western European philosophy of history*

References

1. Dvernitky, B.G. (2019), N.Ya. Danilevsky – the founder of Russian historiosophy, *Vestnik Russkoy Khristianskoy Gumanitarnoy Akademii*, vol. 20, no. 4, pp. 283–290 (in Russian).
2. Evlampiev, I.I. (2015), Historical significance of Russian philosophy, *Veche: Zhurnal Russkoy Filosofii i Kultury*, no. 27(1), pp. 131–143 (in Russian).
3. Kosharnyy, V.P. (2007), The creative heritage of A.S. Khomyakov and the phenomenon of national philosophy, in: *A.S. Khomyakov – myslitel, poet, publitsist* [A.S. Khomyakov – Thinker, Poet, Publicist: Collection of Articles], in 2 vols., vol. 1, *Yazyki slavyanskikh kultur*, Moscow, pp. 519–524 (in Russian).
4. Kuznetsov, Yu.V. (2011), Historical destinies of Russia in N.Ya. Danilevsky's doctrine of cultural-historical types, *Vestnik Murmanskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*, vol. 14, no. 2, pp. 347–352 (in Russian).
5. Madzharov, A.S. (2014), N.Ya. Danilevsky and O. Spengler on the relationship between Russia and Europe as cultural-historical types, *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta, seriya "Istoriya"*, vol. 9, pp. 47–52 (in Russian).
6. Menshikov, V.M., Gatilov, N.N., & Khokhlova, A.B. (2013), RUSSIA... Returning to our own culture, *Bereginya. Sova 777. Obshchestvo. Politika. Ekonomika*, no. 4 (19), pp. 223–234 (in Russian).
7. Timofeev, M.S. (2015), N.Ya. Danilevsky and the civilizational foundations of a strong Russian state, *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Kooperatsii*, no. 3(21), pp. 125–129.
8. Beisswenger, M. (2018), A failed alliance: The Eurasianist movement and the German conservative revolution in the early 1930s, in: Laruelle, M. (ed.), *Entangled Far Rights: A Russian-European Intellectual Romance in the Twentieth Century*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, pp. 61–84.
9. Laruelle, M. (2018), *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields*, Routledge, London; New York.